

ББК 63.442.6(253.3)

С.А. Ковалевский

О роли огня в погребально-поминальной обрядности населения ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири

S.A. Kovalevsky

Role of Fire in Funeral Ceremonies of the Population of Irmenskaya Cultural and Historical Community in the South-Western Siberia

Статья посвящена выявлению роли огненных ритуалов в погребально-поминальном обряде ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири. На основании систематизации элементов погребально-поминального обряда автором были выделены три варианта применения огненных ритуалов (кострища, обожжение на месте погребения и кремация на стороне). Каждому варианту дана подробная характеристика, включающая в себя географическую локализацию и изучение происхождения. Был сделан вывод о том, что огненные ритуалы применялись населением ирменской культурно-исторической общности преимущественно по отношению к женщинам и детям.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, ирменская культурно-историческая общность, андроновская культурно-историческая общность, кремация на стороне.

В ирменских погребально-поминальных памятниках, исследованных на территории юга Западной Сибири, периодически отмечаются следы древних огненных ритуалов. К ним относятся кострища, сохранившиеся в виде прокалов и древесного угля под насыпями курганов, а также погребенные по обрядам трупобожжения на месте погребения и кремации на стороне. Целью данной работы является характеристика роли огненных ритуалов в погребально-поминальном обряде ирменского общества.

Кострища. Наиболее часто кострища в форме прокалов и древесного угля фиксируются в западной части ирменского ареала. По данным В.И. Молодина, больше половины всех раскопанных в Барабинской лесостепи ирменских курганов имели следы кострищ [1, с. 133]. Так, по нашим подсчетам, из 79 ирменских курганов могильника Преображенка-III кострища были зафиксированы в 51 кургане (64,6%). Из них в 10 курганах насчитывалось от двух до пяти кострищ. Можно предполагать и ритуально-охранительную

Given article examines role of fire rituals in funeral ceremony of Irmenskaya cultural-historical community in the South-Western Siberia. Basing on ordering elements of funeral ceremony the author allocated three variants of application of fire rituals (fire, burning on a place of burial and cremation aside). The detailed characteristic including geographical localization and study of origin has been given to each variant. The conclusion that fire rituals were applied by the population of Irmenskaya cultural-historical community mainly in relation to women and children has been made.

Key words: Late Bronze epoch, Irmenskaya cultural-historical community, Andronovskaya cultural-historical community, cremation aside.

функцию кострищ. Так, в кургане 79 было обнаружено пять прокалов, которые полукольцом охватывали могилу с запада [2, с. 146]. Следы кострищ отмечаются исследователями и в сузгунско-ирменских памятниках Омского Прииртышья [3, с. 76–77].

Реже кострища фиксируются в восточной части ирменского ареала (Кузнецкая котловина и Верхнее Приобье). На территории Кузнецкой котловины следы кострищ в форме прокалов и древесного угля зафиксированы под насыпями курганов могильников Сапогово-I [4, с. 78–79], Журавлево-IV [5, с. 8–75], Танай-VII [6, с. 319–323; 7, с. 258–262; 8, с. 11] и Шабаново-IV [9, с. 15–53]. Чаще всего огонь разводили в могильниках Шабаново-IV, Сапогово-I и Танай-VII, где древесные угли и прокалы зафиксированы в половине всех исследованных объектов. В других могильниках следы кострищ встречены редко. Например, в могильнике Журавлево-IV лишь в двух курганах (из 22) были зафиксированы остатки кострищ, частично перекрывавших погребения [5, с. 82].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времён до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

При этом следует отметить различия в их расположении на площади кургана. В могильнике Шабаново-IV кострища во всех случаях располагались на периферии курганного пространства. Это признак сближает данный памятник с курганным могильником Преображенка-III. В могильниках Сапогово-I, Журавлево-IV и Танай-VII кострища находились рядом с могилами, вписываясь в их ряды, а зачастую и перекрывали их. Зафиксирован и случай обжигания почвы под погребенным (Шабаново-IV, курган 2, могила 2).

На территории лесостепного Верхнего Приобья следы кострищ зафиксированы в ирменских могильниках ЕК-II/5 [10, с. 15–35], Милованово-I [11, с. 41–51], Камень-I [12, с. 62–64], Ближние Елбаны-IX [13, с. 11–20], МГК-I/5 [14, с. 56–68] и Телеутский Взвоз-I [15, с. 96]. Из них следы присутствия огня наиболее часто фиксировались в курганных могильниках южной части Верхнего Приобья, таких как Милованово-I, Телеутский Взвоз-I и МГК-I/5.

Обряд трупобожжения в могиле. Достаточно часто этот обряд использовало население западной части ирменского ареала (Бараба и Омское Прииртышье). В могильнике Преображенка-III (Барабинская лесостепь) зафиксировано 11 погребенных (9,9%) со следами трупобожжения [1, с. 135]. Из них семь погребенных были снабжены сосудами, а в двух могилах находились женские украшения (гвоздевидные подвески, пронизки). Находки указывают на то, что это были женщины или дети. В одном случае кремнированные кости женщины или ребенка находились в одной могиле с мужским костяком.

Немногочисленные сузгунско-ирменские погребально-поминальные памятники, исследованные на территории Омского Прииртышья, содержат следы применения по отношению к погребенным огненных ритуалов. В могильнике Калачевка-II было исследовано коллективное погребение, состоявшее из костяков двух мужчин, женщины и ребенка, подвергшихся воздействию огня [16, с. 72–78]. Трупобожжения были зафиксированы также в двух курганах могильников Батаково-XXI [17, с. 112–125] и Боровянка-XXVII [3, с. 69]. Интерес представляет наблюдение омских исследователей, которые отмечают, что погребения со следами воздействия огня на тела умерших в сузгунских комплексах имеют гораздо более массовый характер, нежели в ирменских [18, с. 125].

В восточной части ирменского ареала обряд трупобожжения на месте погребения использовался реже. Среди ирменских захоронений Кузнецкой котловины погребенные со следами трупобожжения встречены редко (2,56%). Однако, как показал анализ элементов погребально-поминального обряда отдельных памятников, ситуация не так однозначна. В большинстве могильников Кузнецкой котловины следы трупобожжения фиксируются очень редко

либо вовсе отсутствуют. Например, среди 158 погребений одного из крупнейших ирменских могильников Журавлево-4 костяков со следами трупобожжения не зафиксировано вовсе. Вместе с тем применение этого обряда отмечено в менее представительных по числу погребенных ирменских могильниках Сапогово-1 (9,23%) и Заречное-1 (8%) [4, с. 80–81; 19, с. 72–86].

Планиграфический анализ не выявил закономерностей в расположении таких погребений в пределах подкурганного пространства. Однако имеющиеся немногочисленные половозрастные определения, а также наличие во многих могилах с трупобожжением керамических сосудов и бронзовых женских украшений свидетельствуют о том, что этот обряд применялся по отношению к женщинам. Интересно, что наиболее богатые, снабженные инвентарем, женские погребения имеют следы трупобожжения (могильник Сапогово-I, курган 7, могилы 9, 10; курган 19, могила 12). Последнее из них можно интерпретировать как погребение женщины, связанной с бронзолитейным производством, так как в могиле наряду с керамическим сосудом и бронзовыми изделиями находился фрагмент литейной формы.

На территории Алтайского Приобья обряд трупобожжения был наиболее характерен для курганного могильника Телеутский Взвоз-I. Из пяти исследованных курганов ирменского времени погребенные по обряду трупобожжения были зафиксированы в трех. Исследователи как особенность памятника справедливо отметили особую роль огня в погребально-поминальном обряде [20, с. 93–103]. В могильнике МГК-I/5 они констатировали наличие мощных прокалов от кострищ в пределах ритуального сооружения в форме рва. Из 16 исследованных погребений эпохи поздней бронзы древесный уголь фиксировался в заполнении семи. Одно из погребений перекрывал мощный прокал, а скелет был сильно обожжен [14, с. 79–84].

В других ирменских некрополях Алтайского Приобья обряд трупобожжения использовался реже. В грунтовом могильнике Плотинная-I среди 48 изученных погребений следы огня были зафиксированы: в форме трупобожжения в одной могиле; в виде древесных угольков в засыпке трех могил; в форме углисто-черных пятен под погребенными в двух могилах [21, с. 22–26]. В грунтовом могильнике Фирсово-XIV прокалы и кострища, разведившиеся на перекрытии, зафиксированы в двух могилах из 13 [22, с. 131].

На территории Томского Приобья обряд трупобожжения фиксируется достаточно часто. В могильнике ЕК-II/5, по нашим подсчетам, таких случаев насчитывается 13 (22%). Среди этих 13 обожженных костяков только в пяти случаях были зафиксированы сосуды [23, с. 21]. В Новосибирском Приобье по одно-

му случаю трупобожжения встречено в могильниках Милованово-I [11] и Ордынское-I [24, с. 92].

Обряд трупобожжения в могиле имел широкое распространение на юге Западной Сибири уже в эпоху ранней бронзы. В елунинских погребениях могильника Телеутский Взвоз-I, датируемого XVIII–XVII вв. до н.э., зафиксированы многочисленные следы огня. Исследователи сделали наблюдение, что иногда костер разводился возле вырытой ямы и лишь потом его сдвигали в могилу. В этом случае кости умершего оказывались частично повреждены огнем. Остатки костра сразу засыпались сверху землей, о чем свидетельствует зафиксированное обугливание берестяных подстилок, произошедшее без доступа кислорода. Иногда костер разводился на перекрытии могилы [25, с. 75–76].

Интересно, что авторы исследования могильника Журавлёво-IV произвели подобную реконструкцию для ирменского погребального обряда данного некрополя. По словам исследователей, ирменцы разводили костер около могилы, а впоследствии угли и золу сдвигали на могильное сооружение. Зафиксированы остатки и другого обрядового действия с использованием огня, связанного с разведением костра на перекрытии могилы [5, с. 82]. Подобные обрядовые действия отмечаются и для ирменцев Алтайского Приобья [26, с. 10].

Вместе с тем для кротовских погребений Барабинской лесостепи, датируемых XIV–XII вв. до н.э., практиковалось разведение огня прямо в могиле. Кости скелетов, по наблюдению В.И. Молодина, лежат в анатомическом порядке, однако все они обожжены или растрескались под действием огня [1, с. 81]. Такой обряд, итогом которого была сильная степень обугленности погребенных, нашел продолжение в еловских, а затем ирменских погребениях конца II – начала I тыс. до н.э. Причем для еловского погребального обряда применение обряда трупосожжения отмечается в редких случаях. Так, в могильнике ЕК-II на 371 исследованную могилу приходится только восемь случаев трупобожжения, пять из которых принадлежали девушкам-подросткам и женщинам [27, с. 339–340]. В могильнике ЕК-I отмечается пять случаев трупобожжения на 54 могилы [28, с. 21]. Чаше погребенные со следами воздействия огня встречаются в ирменских памятниках. Широкое распространение обычай обожжения погребенных в могиле получил на территории Алтайского Приобья в переходное время от бронзы к железу (вторая половина VIII–VI вв. до н.э.). Так, в большереченском могильнике Бобровка таких погребений более 50% [29, с. 104–105].

Обряд кремации на стороне. В эпоху поздней бронзы на территории юга Западной Сибири обряд кремации на стороне использовался весьма редко. Наибольшее количество погребений по обряду кремации на стороне известно в ирменских памятниках

Кузнецкой котловины. В целом по данному региону такие погребения немногочисленны (4,11%). Однако следует учитывать неравномерное распределение погребений с кремацией на стороне по отдельным памятникам. Наибольшее количество таких погребений зафиксировано в могильниках Танай-VII (11,4%) [8] и Журавлёво-IV (5,7%) [5]. Реже они встречены в могильниках Сапогово-I (4,6%) [4]. Единичны такие погребения в могильниках Титовский [30] и Шабаново-IV [9]. В ряде могильников они вовсе не известны. Планиграфический анализ показал, что подобные погребения в большинстве исследуемых могильников замыкали ряд могил или располагались вне ряда. Есть и случай одиночного погребения с кремацией в кургане 9 могильника Шабаново-IV [9, с. 22–23].

В Томском Приобье погребения с кремацией наиболее характерны для могильника ЕК-II/5 (6,8%) [23]. Единственное погребение с кремацией на стороне известно и в коллективном погребении могильника Иштан [31]. В Новосибирском Приобье и Барабе отдельные погребения с кремацией на стороне известны в могильниках Милованово-I [11], Камень-I [12], Преображенка-III [1]. На территории Алтайского Приобья единичные погребения с кремацией на стороне зафиксированы в могильниках Мельничихин Лог-I [32], Новотроицк-I [33], МГК-I/5 [14] и Телеутский Взвоз-I [15].

Происхождение обряда кремации на стороне с последующим перенесением кремированных костей в могилу на территории юга Западной Сибири следует, вероятно, связывать с традициями андроновской культуры, датируемой в пределах второй половины II тыс. до н.э. В андроновской культуре традиция погребений по обряду кремации на стороне наибольшее распространение получила на территории Казахстана, Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины. На других территориях таких погребений меньше. Так, например, М.Д. Хлобыстина, анализируя могилы с кремацией на стороне в выделенных ею биритуальных могильниках, указывает, что на крайних западных рубежах алакульско-федоровского массива (Южное Зауралье, Западный Казахстан) распространение моноритуальных ингумационных курганных могильников с единичными вкраплениями иноритуальных кремационных захоронений имеет устойчивый, системный характер [34, с. 92–106]. Нечасто встречаются трупосожжения и на крайней восточной периферии андроновской культуры – в Минусинской котловине, приблизительно один случай на 15–30 взрослых погребений [35, с. 44].

Вместе с тем интересную статистику приводит В.И. Молодин для андроновских могильников Барабы. В западных районах Барабы удельный вес погребений с кремацией на стороне составил всего 8%, в центральной Барабе – 49,8%, а в восточных райо-

нах, сопредельных с лесостепным Приобьем, – 91% [1, с. 105–109]. На территории Кузнецкой котловины в настоящее время выделяются два типа андроновских могильников. В могильниках первого типа (Титово, Васьково-V, Заречное-I, Танай-XII, Чудиновка-I) наряду с другими особенностями погребального обряда отмечается преобладание погребений, выполненных по обряду ингумации, а в могильниках второго типа (Урский, Танай-I), напротив, доминируют погребения с кремацией на стороне [36, с. 15; 37, с. 240–243].

До конца не выяснен вопрос о том, кого андроновцы хоронили по обряду кремации. В андроноведении существует мнение, что кремация на стороне – это этнокультурный признак андроновцев-федоровцев в противовес ингумации, являвшейся традицией андроновцев-алакульцев. Ю.Ф. Кирюшин высказал точку зрения, что андроновские могильники с кремацией могли быть местом погребения служителей культа [38, с. 30]. Схожего мнения придерживаются А.А. Ткачев и Н.А. Ткачева [39, с. 52].

Ю.И. Михайлов, в целом не возражая против такого подхода, замечает, что обряд сожжения умерших сам по себе не может считаться надежным дифференцирующим признаком. Так, по его наблюдениям, основанным на анализе керамических серий, в андроновских могильниках Урский, Танай-1 и Юрман обряду кремации подвергались представители всех возрастных групп [40, с. 128]. А.Б. Шамшин и О.А. Ченских (Позднякова) считают, что андроновцы кремировали в основном женщин [41, с. 54]. Э.Р. Усманова и В.В. Варфоломеев рассматривают кремацию как классический для федоровского ритуала способ обращения с умершим, а ингумацию – как альтернативный способ, применявшийся к детям [42, с. 57]. М.Д. Хлобыстина объясняет традицию кремирования умерших стремлением посмертного «возвращения» на прародину, покинутую в процессе этнотерриториальных перемещений. По ее мнению, кремации подвергались главным образом мужчины-доминанты [34, с. 79].

В этой связи нам представляется, что традиция полной кремации была весьма удобна в условиях ведения андроновцами пастушеского скотоводческого хозяйства. Кремированные кости близких людей андроновцы могли взять с собой при переселении из Казахстана на далекие, новые для них территории. Возможно, отдельные могилы и целые могильники с кремацией следует рассматривать как погребения родственников, предков, умерших и сожженных на далекой прародине, а затем привезенных на новую родину.

В ирменской культурно-исторической общности традиция кремирования умерших восходит к андроновской культуре. По мнению В.В. Боброва и Ю.И. Михайлова, сравнивших погребения кремированных субъектов с размерами деревянных рам,

в которых те были погребены, этот обряд применялся преимущественно по отношению к детям [5, с. 81]. Соглашаясь с этими наблюдениями применительно к могильникам Журавлево-IV и Танай-VII, стоит сказать, что обряд кремации, вероятно, применялся и по отношению к женщинам. Из 35 учтенных нами погребений с кремацией на стороне из ирменских памятников юга Западной Сибири в 23 случаях в могилах фиксировались сосуды или их фрагменты, бывшие в ирменскую эпоху атрибутами женских и детских погребений. Реже были встречены бронзовые наколки (5 случаев), кольца, пронизки, бляшки (по 4 случая), гвоздевидные серьги или подвески (3 случая), ножи или фрагменты лезвий (2 случая), бусы и перстень (по одному случаю). Так, в кургане 9 могильника Шабаново-IV ирменское погребение с кремацией содержало бронзовый наколок – типично женское украшение. Наколки, бляшка-пуговица и 33 бусины-пронизки были зафиксированы в погребении 5, кургана 5 могильника Танай-VII [8, с. 7].

Наблюдения, сделанные нами на материалах могильника Сапогово-I, позволяют предположить, что в основе обрядов кремации на стороне и трупобожжения в могиле были общие представления. Часто погребения, выполненные по обряду кремации на стороне (курган 7, могила 12; курган 19, могила 14), располагались рядом с погребениями, выполненными по обряду трупобожжения в могиле, составляя с ними отдельные группы.

Приведенные данные позволяют нам считать, что огненные ритуалы в эпоху поздней бронзы применялись главным образом по отношению к женщинам и детям. И если древний, автохтонный для Сибири обряд трупобожжения в могиле применялся преимущественно для взрослой части ирменского общества (преимущественно женщин), то обряд кремации на стороне использовался для погребения детей и женщин. В этом нет противоречия, так как дети до определенного возраста воспитывались в женской части ирменского коллектива и находились под покровительством именно женских божеств. Это согласуется с верованиями сибирских аборигенов, считавших солнце и огонь женскими существами. М.Ф. Косарев, опираясь на наблюдения специалистов, приводит по данному вопросу интересную подборку. Так, «по верованиям остяков (хантов), Солнце и Огонь – две дочери верховного бога, который поручил им освещать и согревать жителей Земли. Вогулы (манси) называли огонь “Най” (“Великая Женщина”); представление было столь реальным, что мужчины стеснялись раздеваться в присутствии огня. Энецкие и нганасанские мужчины не могли прикасаться к огню домашнего очага; трубку для них раскуривала жена или хозяйка чума. Ассоциация огня, как и солнца, с женским началом отмечена и у ряда других сибирских народов – в частности, у ненцев, кетов,

эвенков, нивхов, нанайцев, юкагиров. Представление сибирских аборигенов об Огне-Матери является составной частью культа Матерей Природы, который, по мнению специалистов, характеризует древнейший пласт первобытных верований сибирского населения; в этнографической современности он более выражен у нганасан, но прослеживается в той или иной мере у всех сибирских народов, – например, у селькупов, почитавших три главных природных стихии: Огонь-Мать, Землю-Мать, Воду-Мать» [43, с. 163].

В мифах различных народов, где фигурируют человеческие существа, первоначальное обладание огнем приписано женщинам, мужчины же получили его позже. В этих вариантах мифов об огне нашли отражение некоторые черты реальной действительности (у всех древних народов хранительница домашнего очага – обычно женщина). В некоторых мифах есть намеки на связь огня с половой функцией женщины.

Очень характерно олицетворение огня у народов Севера – в виде женского образа «матери Огня», «хозяйки очага». Есть мнение, что именно такую «хозяйку очага» представляли собой известные женские фигурки эпохи верхнего палеолита и более позднего времени, нередко находимые в древних жилищах вблизи очага. Римская мифология олицетворяла неугасимый культовый огонь и огонь домашнего очага как богиню *Весту*, греческая – как *Гестию* [44, с. 239–240].

Данные наблюдения демонстрируют причастность женской части древних коллективов, в том числе и ирменских, к культу огня. Это нашло свое отражение в сфере материального производства (участие женщин в керамическом и бронзолитейном производстве), домашних и родовых культах, связанных с образом «хозяйки очага», в брачной жизни (воспроизводство потомства) и в погребально-поминальном обряде.

Библиографический список

1. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985.
2. Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культуры эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск, 1988.
3. Полеводов А.В. К характеристике погребального обряда населения лесостепного Прииртышья в эпоху поздней бронзы – канун раннего железного века (по материалам курганного могильника Боровянка-XXVII) // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул, 2008.
4. Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ села Сапогово // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. – Кемерово, 1996. – Т. 1.
5. Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлёво-4. – Новосибирск, 1993.
6. Мыльникова Л.Н., Бобров В.В., Горяев В.С. Работы на могильнике Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1998 г. – Новосибирск, 1998. – Т. IV.
7. Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. Работы на могильнике Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1999. – Т. V.
8. Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул, 2004.
9. Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Курганный могильник Шабаново-4 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово; Гурьевск, 1998.
10. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 12. Приложения.
11. Новикова О.И. Могильник ирменской культуры Милованово-1 // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск, 1995.
12. Новиков А.В. Исследования на могильнике ирменской культуры Камень-1 // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001.
13. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул, 1996.
14. Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник-5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории. – Барнаул, 2001.
15. Папин Д.В., Грушин С.П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул, 2004.
16. Труфанов А.Я. Ирменский курган могильника Калачёвка-II // Древние погребения Обь-Иртышского междуречья. – Омск, 1991.
17. Погодин Л.И., Полеводов А.В., Плешков А.В. Курганный могильник Батаково-XXI – новый погребальный памятник сузгунской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 1997.
18. Полеводов А.В., Труфанов А.Я. О погребальном обряде сузгунской культуры // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Омск, 1997. – Ч. IV.
19. Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск, 1997.
20. Папин Д.В., Грушин С.П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул, 2004.
21. Уманский А.П. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // Археология и краеведение Алтая. – Барнаул, 1972.

22. Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Новые материалы эпохи поздней бронзы из могильника Фирсово-XIV (предварительное сообщение) // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 2000.
23. Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть третья. Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. – Омск, 2006.
24. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье – Новосибирск, 1993.
25. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). – Барнаул, 2003.
26. Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII-VI вв. до н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1988.
27. Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск, 2004.
28. Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть первая: Еловский I курганный могильник. – Омск, 2001.
29. Шамшин А.Б. Погребальный обряд населения Алтайского Приобья в эпоху поздней бронзы и переходное время // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 1992.
30. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инге // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск, 1981.
31. Матющенко В.И. Могильник эпохи поздней бронзы у деревни Иштан на Оби // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул, 1984.
32. Фролов Я.В., Папин Д.В. Коллективное погребение ирменской культуры в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. IX. – Барнаул, 1998.
33. Уманский А.П. Новотроицкие курганы // Нижнее Причумышье (очерки истории и культуры). – Тальменка, 1997.
34. Хлобыстина М.Д. Погребальные ритуалы первобытных эпох. Археология, этнография, фольклор. – СПб., 1995.
35. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986.
36. Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1992.
37. Бобров В.В., Горяев В.С. Андроновские погребения могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. VII. – Новосибирск, 2001.
38. Кирюшин Ю.Ф. Некоторые аспекты социальной организации андроновского общества // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. – Кемерово, 1997.
39. Ткачѳв А.А., Ткачѳва Н.А. Социальная структура андроновского общества (по материалам могильника Майтан) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997.
40. Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). – Кемерово, 2001.
41. Шамшин А.Б., Ченских О.А. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая (по материалам могильника Фирсово-XIV) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997.
42. Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В. Уйтас-Айдос – новый могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. – Вып. 2. – Алматы, 1998.
43. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. – М., 2003.
44. Мифы народов мира : энциклопедия. – М., 1992. – Т. 2.